

14.348K Ψ

30-01-88-4

ЛИСТОК СРОКА ВОЗВРАТА
КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Колич. пред. выдач _____

22/к

6700

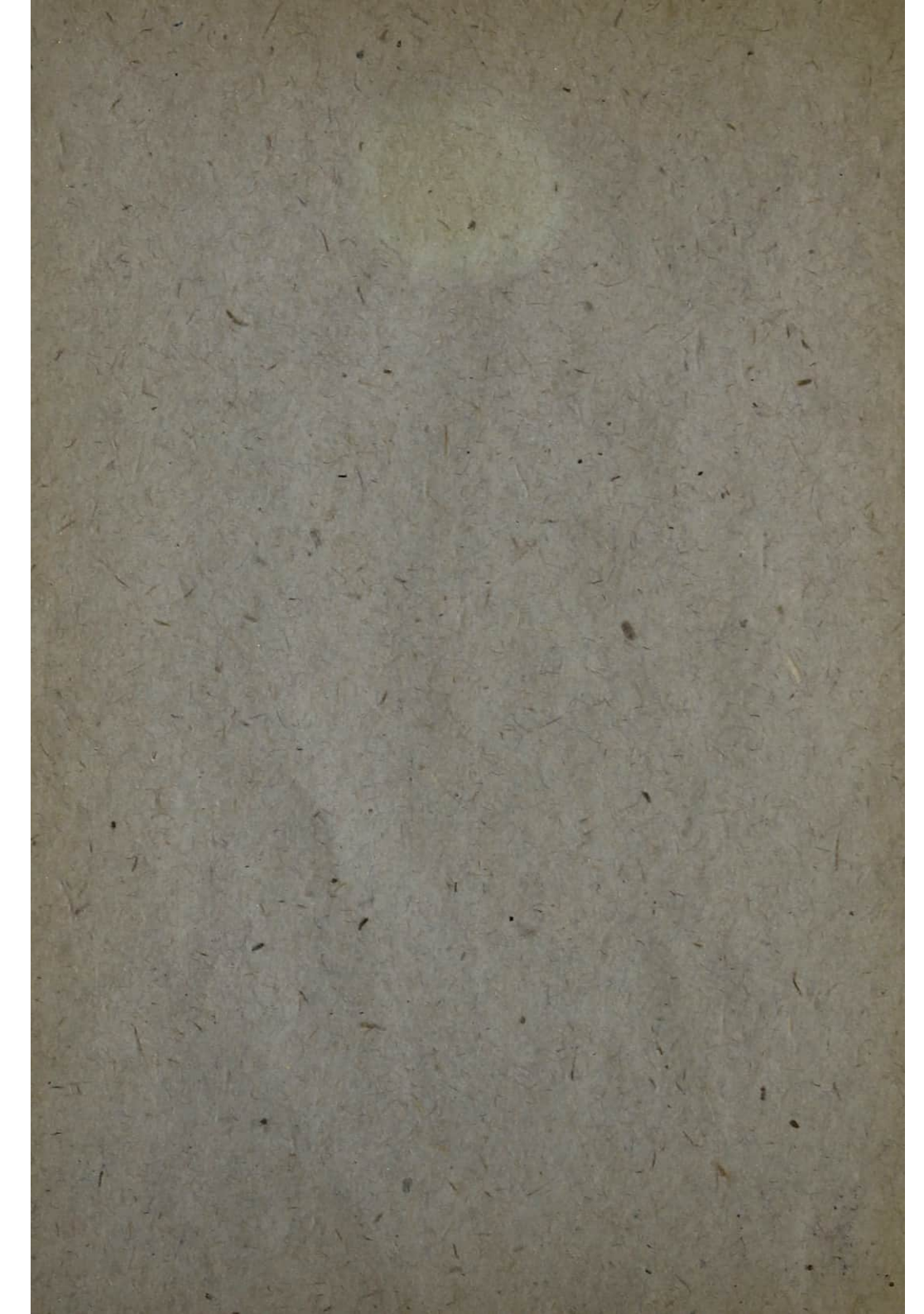
1078-3226

29/1-5129/88/

28/1 29/13

10-10-88-420

Воскр. типог. Т. 3.000.000 З. 1849-66

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

302
2394

Герасим Фейгин.

С Т И Х И

ПОСМЕРТНОЕ ИЗДАНИЕ

Предисловие А. Безыменского.

54

МОСКВА.— 1921 г. — 2010

Герасим — поэт.

Герасим был коммунистом. Работники Покрова, Владимира, Минска, Иванова вам расскажут это. Геройская смерть в передовых рядах под Кронштадтом подтвердила это.

Герасим был поэтом. Это вам покажут его стихи.

Но стихи неотделимы от личности поэта, поскольку он индивидуально творит их. Другое—их об'ективное значение.

Вот почему, подходя к оценке стихов Герасима, мне, столь близко знавшему его, хочется говорить о нем, и как о Герасиме и как о поэте. Мое предисловие будет, осмелюсь так выразиться, библиографическим некрологом. Личные воспоминания, еще неоставшее ощущение его поэтической души и любовь к нему, как к другу и поэту, слишком переплетаются, чтобы отдать предпочтение одной из этих сторон оценки творца.

1918 год. Владимир. Мы издаем журнал „Вестник Интернационала“. Кто это *Мы*? Я и Бабушкин, Бабушкин и я, оба вместе и сразу вдвоем. Итого—„восемь человек“. И это—„орган Владимирского комитета союзов молодежи III Интернационала“. Сотрудником, конечно, будет вся Россия, но *пока* их нет.

Вдруг получается первое письмо. В нем стихотворение „Революция“. Стихотворение приводит нас в восторг.

— Кто это такой Герасим Фейгин?

— А гимназистик один. Во „Владимирце“ сотрудничал одно время.

Снова письмо с стихотворением „Буря“. Оно нравится, чувствуется большая сила, но... „анархическим душком пахнет“, говорим мы. Автор, лично, по-прежнему незнаком.

Только через полгода встречаюсь с ним. Он в Губкомзале, следовательно, живем и работаем вместе. Тут то и пришлось узнать его ближе.

Нервный, живой, до нельзя рассеянный, до нельзя увлекающийся, пламенный оратор, зажигающийся сам и зажигающий других, многолюб, тонкая, впечатлительная душа и отчаянно беспшибанный парень—вот он весь, Герасим Фейгин, со всеми его достоинствами и недостатками.

Его воспитала мелкобуржуазная атмосфера. Это очень сказывается и в нем и в его творчестве. Порывами он грустит и в жизни и в стихах, беспредметно рвется куда-то, уходит в себя и отчаивается (тоже в чем-то) порывами—он весь огонь, вера и твердость. Я хорошо знаю, что он желал определить свое место в жизни, сказать о себе всю правду, никого не вводить в заблуждение. Он это сделал

*Я пришел к вам из чужого
Ненавидимого стана...*

определяет он. Он оттуда, следовательно, надо много работать над собой, чтобы действительно воспринять идеологию и чувства коллективиста. Но когда он говорит:

*...Я пришел к великой правде, покорившей ураганно
Мир—насилья и безсилья...*

...Сколько счастья в красном стане!..

мы верим ему, мы чувствуем, что он говорит это всем своим существом.

Борьба этих двух начал отзывается на стихах. С одной стороны он читает мне поэму „Вождь“, где масса, толпа умаляется, (затеряна), с другой стороны читает стихотв. „Мы вышли“, где коллектив захлестывает личность, главенствует

Нужно сказать, что первого начала больше. В революционных стихах Герасима преобладает везде чувство, пафос, над пролетарски отчеканенным сознанием, которое пронизывает каждую строку пролетария, хотя бы дышащую пафосом. Но то, что это чувство искренне—несомненно. И, кроме того, развернуться он—проклятие его убийцам!—не успел.

А он развернулся бы. Прочтите его поэму „Беженцы“, записанную в... 13 лет! В ней есть мальчишечьи неураз-

ности, но художник виден. Причем художник с определенным тяготением. Возьмите его крестьянина, который не смеет плакать, ибо у него есть долг „судьбою нареченный“... платить подати. У него есть стих: „Им“, где (еще до революции) высмеиваются покровские гимназисты, высший идеал которых—„галифэ“.

А как он бичует этих же гимназистов, перекрасившихся после октября! Я помню какой шум вызвало его стих „Коммунисточке“, напечатанное в Покрове, где в намеренно шаржированном тоне высмеивается „барышня“, которая „боится быть опоцелуенной“, которая „краснообантилась“, „от буржуазности хочет очиститься, но вопрос удастся ли ей это“. Я помню, как т. Крыленко, на губ. партийной конференции, обрушился на журналы, где подобные штуки печатаются; а я, грешный, разнес его в пух и прах. А злой, тонкой насмешки мы не увидели...

А он сам чувствовал, что чего-то в его стихах нет. Когда на 2 Всероссийском съезде союза, назвали его стихи мелкобуржуазными он, очевидно, почувствовал долю правды в этом и сам: раздул ее. Он, помню, хотел разорвать все свои произведения и говорил— „Нет, я недостойн еще быть коммунистом, я ничего не дам“...

Как раз тут-то он и уезжает добровольцем на Деникина. Перед отправлением он мне говорил с пылающими глазами — Если я писать по-коммунистически не сумею, то сумею по-коммунистически умереть.

Он бросил стихи. Ругаю его в письмах. Он отмахивается. Случайно промелькнули два стихотворения „Первое мая“ и „в палате“ (после ранения).

Перед X съездом партии встречаю его. Мне говорили, что он тайком пишет, но не показывает. Отрицает.

Затем он уехал и... убит.

Он, конечно, не был пролетарским поэтом. Он был просто революционером, но беззаветно преданным коммунизму. Таков и он и его стихи.

Форма везде у него гладкая, при чем бросается в глаза пристрастие к „северяннинским“ размерам и, часто, к футуристическим словосочетаниям.

Для своих лет, он много дал. И мог дать еще больше. Но кто виноват в том, что стих „сон“, написанное день в день за три года до его гибели, оказался правдой?! Кто мог подозревать, что „умершему борцу“ он как бы писал для себя?!

Убит поэт. Зная, видя, сознавая все его недостатки, мы зажигаемся его пламенными стихами, которые действительно совмещают в себе

...голос мятежно гневный

и... голос тоской звенящий.

Убит поэт... Нет, нет! Не поэт, а тело поэта. Поэты идущие из толщи пролетариата воспримут его душу, но его чувство огнедышащей революционности, совместят с пролетарским сознанием.

Спи поэт. Ты не успел этого сделать, если бы даже смог.

Но ты своей жизнью, работой, творчеством и, наконец, смертью доказал, что

...„Да здравствует свобода“!

Твой последний, твой предсмертный, замирающий аккорд.

14 апрель 1921 г.

А. Безыменский.

Я пришел к вам.

Я пришел к вам из чужого, ненавидимого стана,
Я пришел к вам от ничтожных все оподливших людей,
Я пришел к великой правде, покорившей ураганно
Мир насилья и бессилья, мир поношенных идей.

Я пришел, для новой жизни, светлой радости, и верьте
В мой восторг пред новым миром в мой восторг пред Красным
днем...

Я хотел бы гордый вызов бросить тленью, бросить смерти
И зажечь сердца усталых опаляющим огнем.

Сколько счастья в Красном стане! сколько солнца, сколько
света!

Сколько гордых и могучих победителей борцов!

Сколько жизни в Красном стане! сколько песен для поэта!

Сколько юных, вдохновенных, окристаленных певцов!

А в минувшем сколько скорби...мир велик и странно—тесен...

Торжество тупых насилий над бессилием слепца...

Я пришел для новой жизни, я пришел для Красных песен!

Сколько солнца, сколько света, сколько счастья без конца!

Декабрь 1917 г.

Р е в о л ю ц и я .

При царстве дикой тьмы, насилий и неволи,
При столах и мольбах поруганных людей,
Ты гордо родилась в блестящем ореоле,
Прекрасна и бурна в стихийности своей.
Ты на пути смела мятежно, без пощады
Погрязнувший в крови отживший, ветхий трон,
Ты гордо разнесла подгнившие преграды
И смело вознесла ряды своих знамен.
Сильна ты, как огонь, бурлива ты, как море,
Мятежно-велика, как мощный ураган,
Ты к счастью ведешь сквозь слезы, кровь и горе
И к свету—через боль кровавых гнойных ран.
Чтоб ты ни слала нам, блаженство ли, проклятье,
Невинную ли кровь, душистый ли елей,
Ты сделаешь, чего не сделало Распятие:
Ты к свету приведешь измученных людей.
Ты гордо принесешь всемирному народу
Святую тишину без цепи и темниц;
Я верю в светлый мир, в прекрасную свободу,
В свободу без конца, без меры, без границ.

1-е марта 1917 г.

Я хотел бы.

Я хотел бы, чтоб правды могучая мощная сила,
Оваренная солнечным светом свободы и братства,
Уничтожила царство слепой нищеты, тунеядства.
Я хотел бы, чтоб жизнь заблестела, где гнила могила
Я хотел бы, чтоб пали больные, тупые богатства
И хотел бы чтоб не было больше на свете злорадства
И победа смирила проклятья, хулы, святотатства.
Я хотел бы чтоб мощь трудового народа везде победила,
И хотел бы, чтоб все угнетенные скорбные люди
Вдруг poznали, что жизнь не должна быть больной и холод-
ной
Я хотел бы чтоб песни звучали волною свободной
И смирились пред ними раскаты смертельных орудий.
Я хотел бы чтоб не было больше тоски безысходной,
Чтоб не рвались бессильные жалобы муки бесплодной
Я хотел бы, чтоб все преклонилось пред волей народной
И дышали свободно и радостно груди.
Отчего ж так бессильно стремленье вперед человека
Или он не достоин могучего, яркого света?
Или он уж ослеп под уродливым игом запрета?
Или, просто, в натуре своей он безвольный калека?
О приди, о приди ты, пора золотого рассвета.
Овари всех живущих улыбкой любви и привета
Я безумен, но верю в предчувственный трепет поэта
И не верю в холодный рассудок бессильного века.

Март 1917 г.

1-е М а я.

Первомайский праздник—праздник лучезарный
Праздник молодого радостного солнца,
Праздник светлой правды, гибели червонца,
Первомайский праздник—праздник светозарный.
Мрак уже сокрылся темный и угарный
Сон уже забылся скорбный и кошмарный
И глядит с улыбкой юно-светозарной
Праздник первомайский, праздник лучезарный.
Пусть идет свободный, гордый и могучий
Тот, кто был недавно угнетенный парий,
Пусть идет великий смелый пролетарий,
Пусть звучат напевы сладостных созвучий.
Память тем навеки, кто рассеял тучи,
Кто ушел от жизни жертвой неминучей,
Слава молодая, кто ломает кручи,
Кто терновник рушит цепкий и колючий,
Первомайский праздник—праздник дня и лета,
Братства и свободы солнечное знамя,
Мощного пожара вспыхнувшее пламя,
Первомайский праздник—песня дня и света
Всею, кто исстрадался под ярмом запрета,
Всею, кто страстно жаждет юного рассвета
Первомайский праздник—праздник первоцвета,
Вестник светлой правды братства и привета.

1 мая 1917 г.

ДОВОЛЬНО ЖДАТЬ.

Довольно ждать и лицемерить,
С тупой покорностью скорбя;
Довольно плакать и не верить
В народ, в свободу и в себя.
Ужель не хватит смелой воли
Отбросить с плеч кровавый гнет?
Ужель с тьмы одной неволи
Народ в другую попадет?
Очнись от едкого дурмана,
К борьбе трудящийся народ!
Судьбина поздно или рано
Твой сон бесстрастно перервет.
Прозри, очнись! Отбрось победно
Тяжелый беспросветный гнет
И вновь дорогой заповедной
Иди вперед!

7 апреля 1917 .

Буря.

Буря рвет гнилые цепи беспорывного затишья.... Крутит воздух, крутит землю и смеется гордым смехом над разбуженной природой.

Как испуганные дети, сиротливо мчатся тучи и стараются укрыться от могучего напора.

Все прижалось, все притихло, измельчалось, испугалось и с покорностью трусливой покоряется бессильно окрылившейся стихии.

Лишь безвольные песчинки безрасудно откровенно с торопливостью безумной, убегая от напора, погибают в вихре бури, и, как жалкие пигмеи, в страхе мелочном предсмертном, выбиваются из вихря, чтобы снова закружиться и в бессилии погибнуть...

Блещут очи быстрых молний и, под музыку и пляску разыгравшегося грома, пламенеют дикой страстью и, как юные вакханки, малят властно и призывно красотой своей мятежной к дали знойных наслаждений.

Ветер стонет, ветер воет под напором властной страсти торжествующе сметает на пути своем преграды и стремится к гордой дали, где ликующе призывно блещут очи знойных молний.

Закрутился, завертелся в сладкой боли жгучей ласки и отпрянул, обессилив от страданий наслажденья и сверкающие слезы благодарности за счастье, побежали, окристаллив грех безумной знойной ласки.

Я иду на встречу буре.

Я вдыхаю пламя страсти.

Я бросаю гордый вызов испугавшейся природе, остухшим
и мятельно властной страстью мощной бури.

Нет, я выше, я сильнее, чем уставшая от ласки побеж-
денная блаженством, обессиленная буря.

Я достигну знойных молний, я упряюсь огнем их страсти,
покорю, преодолею их порывность, их мятельность и победный,
гордый вызов брошу солнцу, брошу небу.

26 июня 1918 г.

Красная молодежь.

Мы пойдем без страха, мы пойдем без дрожи,
Мы пойдем навстречу грозному врагу,
Дело угнетенных—дело молодежи,
Горе, кто на чуждом черном берегу!
Мы собьем запоры, мы сметем преграды,
Все мы вдохновились красною борьбой...
Жизнь на баррикады! смерть на баррикады!
Все на баррикады! все в последний бой!
Смерть в жестокой битве ярче и моложе
Тусклого бессилья жалких стариков.
Шире же дорогу Красной Молодежи
К счастью без запоров к жизни без оков.

12 сентября 1918 г.

Б е ж е н ц ы .

I.

Село, раскинувшись широко,
Над речкой маленькой стоит,
И в русле узеньком, глубоком
Та речка весело бежит.
Растут деревья вековые
И рядом с ними лозянки
И незабудки голубые
На низком берегу реки.
И тень громадную бросает
Лес одинокий и большой,
Береза весело кивает
Своей зеленой головой.
Пугливый зайчик чутко бродит,
Щебечет птичка из кустов,
Мыча и хрюкая проходит
Толпа овец, свиней, коров.
Кяутом махая шаловливо
Пастух за ними вслед идет
И заунывно, но красиво,
Он песню звучную поет.
В той песне слышится страданье
И бедность, горе мужика
Вдовицы слезы, причитанья
И беспросветная тоска.
Игриво из кустов кивает
Цветочек маленький, лесной,
На небе солнышко сияет
Поет крестьянин за рекой.

Вот воскресенье. Все нарядны
 В местечко весело идут.
 Идет „с паненкой хлопец ладный“
 Мальчишки с криками бегут.
 Когда тяжелая работа
 На молодую давит грудь,
 Как погулять тогда охота!
 Вольнее хочется вздохнуть.
 Тут хуже всех изба Степана,
 Как подбоченившись стоит.
 Сегодня все проснулись рано
 Степан невесело сидит.
 Всегда печальная картина
 Мелькает грустно перед ним:
 В углу работает Арина.
 И грязный, весь в пыли, Аким.
 Когда был сын, на самом деле
 Жилось лучше чем теперь,
 Да вот на давешней неделе
 Прислал письмо их офицер:
 „Ваш сын под утро в воскресенье
 Сражен был пулею в бою,
 Он при поспешном отступлении
 Сложил ^вголовушку свою“.
 Когда печальное посланье
 Лениво писарь дочитал,
 Степан снял шапку на прощанье
 Письмо в руках неловко смял
 Слеза невольная скатилась
 На бороду и на траву
 И незаметно притаилась
 Между грибами в темном рву.
 И горько страшно зарыдала
 Арина, бедная сестра,
 Она во сне его видала
 Еще под утречко, вчера.

Тоской и горем подавленный
Мужик не мог, не смел рыдать,
Есть долг „судьбою нареченный“
Его он должен исполнять.
Всегда есть мужику работа
Он в поте должен хлеб добыть.
Когда жё кончатся хлопоты
Идет он подать уплатить.

III.

Крестьяне хмуρο недовольно
С местечка на село пришли...
— Болтать те нонче очень вольно
Ишь чушь какую нанесли.
Запли мы в лавочку Абрама
А он:— „Ну что, ребята, как?“
А мы:— „Живем, как раньше, знамо“
Он снова:— „С города казак
Сказал, что нам с Варшавы скоро
Германца надо ожидать,
А вот у нас так только ссоры,
Как видно, будут выгонять.
А наши, прытко отступая,
Чтоб не досталось, все сожгут...
А нам дорога не прямая,—
Коней дадут ли?—Отберут“!

IV.

Сдана Варшава. Пар кровавый
Зловеще над землей летал,
Германец, на подобье лавы,
В пределы Польши наступал.
И смерть носилась над землею,
При солнце, как и при луне,
С улыбкой дьявольскою злою
Смерть приносила дань войне.
И кровь лилась, лилась струею,
Лилась, как веиний с гор ручей,

Лилась и утренней порою,
Лилась и в сумраке ночей.
Летели крики и стenanья
К седым угрюмым небесам.
Неслись проклятья и рыданья,
Проклятья братьям и врагам.
Земля рвалась, земля дрожала
Справляла смерть кровавый пир,
Война пожаром озаряла
Всю землю, все кругом, весь мир.
Тянулись беженцев обозы
Без перерыва день и ночь
Лились ручьем кровавым слезы...
Зачем? Кому слезой помочь?
Степан наш сзади всех тащился
Арина плакала навзрыд,
Аким угрюмо насупился,
Все тихо. Лошадь лишь храпит.
Луна холодная сверкает,
Неясно выстрелы слышны.
Одни они напоминают
О том, что близко от войны.

V.

Прошел уж месяц. Одинок
Плелись крестьяне по шоссе,
Дорогой тяжкою, далекой
Они измучились все.
Ведь дождь уж целую неделю
Безперерывно льет и льет.
И дети малые болели:
А кто болеет, тот умрет.
Частенько тоже голодали,
Откуда хлеба тут достать?
С собою ничего не взяли
И приходилось голодать.
Увидят где растет картошка
Бегут скорее захватить.

Берет тут всякий понемножку
Но мало! Где тут сытым быть?
Большое горе у Степана,
Аким чего-то занемог,
Вчера проснулся очень рано,
А в полдень на солому слег.
Кричал он громко и несвязно,
Арину и Степана звал
Уткнувшись в полушубок грязный,
Аким смеялся и рыдал.
Он вспоминал село родное,
Он лес дремучий вспоминал,
Все сердцу близко дорогое
В бреду горячечном он звал.
Арина бедная рыдала,
Степан влячонку подгонял,
А птичка звонко щебетала
И дятел весело стучал.
Природа снова оживала
От семидневного дождя
И громко жалобно кричало
В бреду крестьянское дитя.

VI.

Аким чрез два денька скончался,
Степан сбил с досок гроб и крест
Достать лопату постарался
И вот, вдали от милых мест,
В лесу Акима схоронили,
Луч солнца весело сверкал
Вокруг мурашки землю рыли
Пугливый зайчик пробегал.
А ночью все кругом стихало
Пел песню чудно соловей,
Береза весело кивала
Зеленой головой своей.

VII.

А кровь течет, течет струею,
Течет, как вешний с гор ручей,
Течет и утренней порою,
Течет и в сумраке ночей.
Несутся крики и стенанья
К седым угрюмым небесам,
Летят проклятья и рыданья
Проклятья братьям и врагам,
Земля дрожит... земля рыдает
Текут по ней струи крови
И люди, люди забывают
Заветы чудные любви...

Август 1915 г.

* * *

Одежду мудрых глупец оденет,
Оракул грубо налицемерит,
Но стих порывный не обезверит
И не обманет и не изменит.
В нем вечность правды, в нем яркость солнца,
Огонь свободы, размах, тревога,
В нем вера в чудо, в нем вера в бога,
Но эта вера—новозаконца.
Люблю тебя я, мой говорящий,
Мой сладкозвучный, мой сладкопевный,
Люблю твой голос мятежно-гневный,
Люблю твой ропот, тоской звенящий.
Но я не знаю, мой вдохновенный,
Откуда рвешься, куда и чей ты.
Ты,—как блужданье легендарной флейты,
Ты весь внезапный ты весь мгновенный.
Ужели чья то чужая воля
Тебе дала мне без откровенья
А не питомец я вдохновенья,
А звон рояля, а знак пароля.
Нет, нет я верю, нет, нет я—сила!
Так забываю я сновиденья,
Но говорит мне огонь томленья,
„Хоть и не помнишь, но что-то было“.
Люблю тебя я, мой говорящий
Мой сладкозвучный, мой сладкопевный,
Люблю твой голос мятежно-гневный
Люблю твой ропот, тоской звенящий.

12 апреля 1917 г.

И м.

(Посвящается Покровским гимназистам).

Вы такие все самодовольные, вы такие все тупоголовые,
Что, ей Богу, мне всегда становится, без насмешек, очень
жалко вас

Вы умом во всем такие хилые, хоть физически весьма здоровые,
Ваша жизнь так мелочно-бескрасочна, но зато с оттенками
прикрас

Вы, когда карманоочахотитесь, безотрадно курите махорочку,
Но для вас всегда венец желания—табачок, хотя бы ниспий
сорт

Вы мечтаете о гимназисточке, но не прочь пошляться и с
кухарочкой,

И всегда весьма словоохотливы, говоря про свой любовный
спорт

Ветерком, конечно очень любите на Большой порядком по
болваниться

Или с барственной такой небрежностью посетить наш „Кино-
Идеал“

Вы в восторге неподдельно-искреннем, если на картинах до
жуаняется

И всегда весьма разочарованны, если не трагический финал
Наряжаетесь вы очень ревностно, преимущественно а-ля
прапорщии

Сапоги с большими голенищами, гимнастерка, брюки—галифе
Вам судьба совсем благоприятствует и на Главной на Мо
сковской улице

Гордо, празднично теперь красуется в вашем стиле, так
сказать, кафе.

Вы при спорах яростно анломбитесь и свои имеете суждения
И, меня ругая бесстыдительно, вы в тупой впадаете азарт.
Я смеюсь над вами ярко-искренне — Эй вы, плоские буль-
варогении!

Я один, один... А вас. О, сколько вас! Хоть пруд пруди.
Вас миллиард!

Вы такие все однообразные, вы такие все единотонные,
Даже кажется, что вы исчезаете, затеряетесь вы, как то
вдруг.

Эй, ходячие, живые пошлости, вы не знаете совсем иронии!
А тупые ваши издевательства разбиваются о мой каблук.

4 июля 1917 г.

* *
*

Этот день был, как яма, бессветен и тесен...
Не внимая друг другу по улице шли мы
Думал я: „Вы—певучесть неведомой песни,
Вы—звонящий аккорд неразгаданной рифмы.
Воздух слабо рябился, бессильный безрифный
И рождался вопрос наготовю отвесной:
Неужели вы тоже избитая песня,
Неужели вы тоже глагольная рифма?

Декабрь 1916 г.

В палате.

В моей палате плывут туманы
И бродят тени в беззвучной тьме,
И ноют мысли, и ноют раны
И страшно жутко неметь, неметь...
По телу бродит сверлящий винтик
И тихо плавно буравит грудь...
Заснуть, не слышать, застыть, забыться
Хоть на минуту, хоть какнибудь.
Хочу я боли, бурлящей боли,
Чтобы каждый мускул звенел борьбой,
Чтобы стиснуть зубы и силой воли
Заставить гордо смириться боль.
Долой преграды, долой повязки,...
Рвануть отбросить, дерзнуть, посметь!
И будут тени зубами ляскать
В такой бурлящей мятежной тьме.

18 мая 1919 г. Себежский госпиталь.

В трамвае.

Под гудение трамвая, с меланхолией во взгляде,
Я сидел вблизи у двери, замечтавшийся поэт.
Вдруг в вагон вошла развязно в ярко-блещущем наряде
Очень стройная брюнетка не совсем известных лет.
Я поспешно и галантно уступил вошедшей место
И она уселась важно без единого кивка;
Я с усилием воздержался от презрительного жеста,
Но, однако, отвернулся и нахмурился слегка.
Вдруг я вижу, что брюнетка закурила папироску,
Грациозно затанулась, дыму выпустила шар
И, лучисто улыбнувшись, протянула мне, без спросу,
С золотою монограммой темносерый портсигар,
Посмотрела как-то робко, посмотрела как-то кротко,
Что-то медленно сказала. Ну, не все ли мне равно,
Кто трамвайная знакомка, эксцентричка иль кокотка?
Если ласковой улыбкой что-то в сердце рождено.

6 августа 1917 г.

С О Н.

Я упал. Болело тело.
С гневной силой сердце ныло
И вблизи засиротела
Наготой своей могила.
В онеменьи, без движенья,
Бессветильный и бессильный,
Я лежал среди гниенья,
Холод чувствуя могильный.
Руки свисли, гасли мысли,
Тихо тело леденело;
Я катился, и... не вниз ли
Где могила сиротела?..
Вдруг прохладно и усладно
Что-то смело пролетело,
Хоть бессильно, безотрадно
Тихо тело леденело.
И в страданьи царство знанья
Царство тленья и цветенья
Мне открылось без исканья
Мощной волей искупленья.
Вот убогий, вот чертоги,
Правды дело без предела...
Свисли руки, свисли ноги,
Тихо тело леденело.

17 Марта 1918 г.

Умершему борцу.

Это было так ужасно. Это было так недавно.
Ты, свободный и прекрасный, где то мучался в тюрьме...
Весь народ был обезличен, вся страна была бесправна,
Все бессильно задыхалось в беспросветной, жуткой тьме.
Мы боялись, мы дрожали, мы собою дорожили,
Мы покорно улыбались обнаглевшим палачам,
Мы трусливо забывали, что в бессолнечной могиле
Ты мучительно тоскуешь по сверкающим лучам.
Этот день.... О сколько света! Сколько радостных мечтаний
Сколько пламенных восторгов и безумно гордых слов!
День свободы, некупивший годы медленных страданий,
День свободы, давший миру столько ярких, смелых снов.
Ты вернулся, ты на воле, ты вознесся, над толпою.
Отчего же в этом взоре столько тайных, страстных мук?..
Ты боролся с беспросветной, безответною тюрьмою
И в тебе живет смертельный, разлагающий недуг.
Сколько веры, сколько бреда, сколько муки без исхода!
Ты победу призываешь, ты могуч, ты ярко-горд,
Ты без жути умираешь и „да здравствует Свобода!“
Твой последний, твой предсмертный, замирающий аккорд.

4 марта 1917 г.

Угено 4065к

